

ОЛЫГА
ЕЛИСЕЕВА

ВЕК ЗОЛОТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

НАСЛЕДНИКИ ИСПОЛИНА

Век золотой Екатерины

Ольга Елисеева
Наследники исполина

«ВЕЧЕ»

2015

Елисеева О. И.

Наследники исполина / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Век золотой Екатерины)

ISBN 978-5-4444-7948-3

Умирает императрица Елизавета Петровна. Ей наследует ненавистный всем великий князь Петр Федорович, поклонник Фридриха II и Пруссии. Его вызывающее поведение, ненависть ко всему русскому, отрицание православия доказывают окружающим, что новое царствование не будет долгим. Такого монарха скоро свергнут. Кто тогда наденет корону? Его маленький сын Павел? Находящийся в заточении узник Иван Антонович, свергнутый с престола в годовалом возрасте? Или никому не известные дети Елизаветы Петровны от фаворита и тайного мужа Алексея Разумовского? Меньше всех прав у супруги Петра III – Екатерины. Но она верит в свою звезду... «Наследники исполина» – второй роман из цикла, посвященного молодости Екатерины Великой.

ISBN 978-5-4444-7948-3

© Елисеева О. И., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Глава 1. Сочельник	6
Глава 2. Блеск и нищета резидента	10
Глава 3. Виноград для Резль	19
Глава 4. Император	24
Глава 5. Святки	30
Глава 6. Патриотка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Елисеева

Наследники исполина

© Елисеева О. И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

* * *

Глава 1. Сочельник

25 декабря 1761 года. Санкт-Петербург

На Неве вскрывался лед. У Петропавловской. С пушечным треском. В этом году непривычно ранняя оттепель подточила панцирь реки еще в середине декабря.

Иван Иванович Шувалов стоял у окна, прислонившись к стене и опершись лбом на руку. От постоянного сквозняка пальцы уже успели закоченеть. «Не дворец – гроб с позолотой». – Он провел ладонью вдоль рамы. С улицы тянуло, на подоконнике скопился ободок грязного снега, надутого сквозь щели. «Руки холодные, – подумал Иван Иванович, – как же я пойду к ней с холодными-то руками?» Он отлепился от стены и перешел к печке. Пальцы на синих голландских изразцах тоже показались синеватыми, как у покойника.

Ничего не было слышно. Зеркало. Печка. Портрет Елисавет. Большой, больше него самого, отраженный в венецианском стекле. Так что он оказывался как бы между двух императриц. А настоящая была за стеной. Может быть, уже и не была... «Она, конечно, захочет проститься. Скоро ли?» Не даром же его позвали сюда. Он влетел, думая, что «уже». Сбросил шубу в сених, не заботясь, подхватит ли ее кто-нибудь, рванулся к двери... Соборовали.

Иван Иванович представил ее тучное тело в тучных подушках, тяжело поднимающееся шелковое одеяло над тучной увядшей грудью. Он не испытывал к этой женщине ничего, кроме безграничного почтения. И вот теперь она умирала.

Не было ни страха, ни горя, только ощущение шаткости. Во всем, даже в часах с арапами. Больше года императрица почти никуда не выходила – хворала. И ему неловко казалось напоминать о делах. Теперь оставалась одна надежда: может, новый император на радостях подмахнет проект образования петербургского университета? Она не успела, не вспомнила. «Боже, о чем это я? Лиз, Лиз, что же во мне жалости-то никакой нет? Михайло Васильевич, Михайло Васильевич, что мне больше всех надо? Уеду в Москву из этой сырости! На родное семихолмие». Иван Иванович сдержанно не любил Петербурга. Тусклого, грязного, как невымытое стекло неба, вечно мятого, словно шпили Петропавловской и Адмиралтейства накололи его, и оно теперь сеяло и сеяло то дождем, то снегом. Ясных дней было много, очень много. Но он их не помнил.

Иван Иванович представил себя свободным и безвластным. Теперь перед ним не будут заискивать, как перед первым человеком в империи. Кураторство над Московским университетом, что еще ему остается? А разве мало? Наконец, его оставят в покое. Он об этом мечтал все последние годы. Воля.

Иван Иванович провел согретой рукой по лицу. «Мне тридцать пять. Из них... Хотя, зачем вспоминать?» Он ясно представил себе, как доброхотные московские матушки и тетушки развернут вокруг него веселую свадебную канитель с намеками и недомолвками, как будут краснеть и замирать от наивной корыстной надежды совсем юные барышни, почти девочки.

А он пойдет к ней... К той, другой женщине, которую Иван Иванович про себя продолжал называть княжной Гагариной, хотя знал, что она давно вышла замуж и стала... Да, черт возьми, какая разница, кем она стала, если должна была носить его имя!

Он войдет, увидит, как она сидит в большом кресле, отвернувшись к окну. Возьмет ее руку и будет целовать, долго, без почтения. А она скажет: «Бог с вами, граф, у меня ведь уже дочь на выданье».

Шувалов не знал, в Москве ли она? Есть ли у нее дочь? Жива ли? Но сейчас эта сцена необыкновенно ясно встала перед глазами: вся, с мельчайшими подробностями, от длинных сухих пальцев, форму которых ему так и не дано было запомнить, до дрожащих черных, немолодых кружев на чепце.

Последний раз Иван Иванович видел ее пять лет назад в опустевшем Петергофе у Оранжереи. Она была в столице проездом после долгого заграничного путешествия. Он рисковал, она рисковала, но не сильно. Мягкая улыбка, и вся она мягкая, неосязаемая, как то едва различимое в памяти мальчишеское чувство – первая, так и не бывшая его женщина.

– Наверное, так лучше. – На ее губах вспыхнула грустная улыбка. – Как много бы не случилось, если бы мы тогда...

– Чего не случилось? – Иван Иванович стоял красный и ненавидящий ее, себя за все, что тогда было, за их сегодняшнюю ни ему ни ей не нужную встречу,жданную-пережданную, вымученную. За то, что он ничего не может сделать.

– У России не было бы университета.

«Все только и говорят о России! А обо мне кто-нибудь вспомнил?» Он не сказал ей этого. Просто поцеловал руку, повернулся и пошел прочь. Потом побежал, больше всего желая знать, шепчет ли она побелевшими губами: «Ванечка».

«Ванечка! Ванечка!» Шувалов готов был под землю провалиться от стыда, когда на малом приеме при послах, при иностранных министрах веселая, кажется, уже чуть во хмелю Елисавет заявила, что смерть как не любит кораблей, а если и решит когда-нибудь посетить Англию, то только посуху, в экипаже.

Никто не посмел возразить. Дело так бы и окончилось, если бы общительная императрица, насыщенная об образовании и рвении к наукам юного пажа из хорошей фамилии, не обратилась к нему:

– Ванечка, разыщите нам на карте сухой путь к Альбиону.

Молодой человек вспыхнул, все взгляды обратились на него. Петр Шувалов попытался спасти двоюродного брата.

– В другой раз, Ваше Величество.

– Отчего же? Нет, теперь. Может, я завтра вздумаю ехать. Вот он нам дорогу разыщет, и сразу прикажу закладывать. Эй, кто там!

Елисавет была хороша в блеске своей русской, зрелой уже красоты. Раззадорившаяся, блестящая шальными, как в молодости, глазами, она в упор смотрела на красивого мальчика со слишком думающим лицом. Это ей и нравилось и не нравилось.

– Так где же дорога? – нетерпеливо спросила она, подходя к нему несколько ближе, чем позволяли приличия.

– Осмелюсь доложить Вашему Величеству, такого пути нет. – Юноша захлебнулся своей смелостью и умер, когда разочарованные голубые блюдца ее глаз несколько раз сморгнули.

– Как нет?

– Англия – остров, отделенный от континента, на котором имеет честь располагаться и Россия, двумя проливами: Ла-Маншем и Па де Кале. Проехать туда посуху нельзя.

Блюдца потухли.

– Вырастили сынов Отечества! – брюзгливо заявила императрица. – Еще службы не нюхал, а уже государыне «нет» говорить научился. Петька!

Петр Иванович немедленно оказался под рукой.

– Объясни своему невежественному братцу, что если русская государыня захочет, она не только в Англию посуху, она в Африку по снегу доберется!

– Враз намечем, – согласился Петр Шувалов.

– Вот так. – Елисавет отвернулась и уже весь вечер занималась другими гостями. Ивана же все избегали как чумного. Брат вывел его за дверь и влепил пощечину, затем они вернулись в зал. Когда собрание стало расходиться, императрица остановила Шуваловых знаком и подозвала Ивана.

– Ну так как, есть сухой путь, или упорствуешь?

– Англия – остров, – прошептал дрожащими губами юноша.

Елисавет взяла его за подбородок и повернула к себе готовое покраснеть от слез лицо.

– Остров. Ну конечно, остров, – устало согласилась она. – Но это скучно. Разве нет?

Иван молчал.

– Или вы думаете, я карт отродясь не видела? – Она помедлила и продолжала с чуть грустной улыбкой: – А они соглашались. Теперь ушли и смеются, что их государыня вздумала в Англию без корабля ехать. Тоска.

Иван чувствовал ее сильные теплые пальцы на своем подбородке и жалел их за какую-то негосударственную незащитность.

– Пойдем со мной, – сказала она и, повернувшись, пошла к двери, уверенная, что он следует сзади.

– Иди, тумба, – Петр подтолкнул его в спину.

– Как же, братец? Я же просил... Княжне я ведь слово дал...

– Иди, ничего с тобой не сделают. Видишь, женщина побеседовать хочет.

Иван поднялся по деревянной резной лестнице. Над розовой капризно изогнутой спинкой дивана, на котором расположилась Елисавет, висела картина Буше, напористая куртуазность которой устыдила юношу.

– Сколько висит, все не могу понять, о чем, кто такие? – улыбнулась императрица. – Растолкуйте мне ее сюжет.

– Это картина славного французского мастера Буше, – начал, запинаясь, Иван. – Молодой Буше стремился формами подражать великому Рубенсу, что можно усмотреть из образа лидийской царицы Омфалы, державшей в плену юного Геркулеса. Геркулес и Омфала полюбили друг друга, но не могли соединиться, ибо положение их было слишком различно. Наконец любовь победила все преграды. Эта картина изображает нам счастье совокупления страстных любовников, отринувших мирские условности.

– Какова же главная задумка? – с любопытством спросила Елисавет, ощупывая Ванечку насмешливым взглядом.

Больше всего на свете ему хотелось в тот момент сбежать, и он не смог ответить ничего связного, даже не справился с дрожью рук и голоса.

– Мне кажется, – продолжала женщина, – задумка Буше была в том, что перед любовью все положения отступают. Не так ли?

Ванечка отчаянно закивал.

– Съешьте яблоко и успокойтесь, – снисходительно улыбнулась она, протягивая ему на ладони крохотную пунцовую китайку. Яблоко было горьким.

Менее чем через месяц он снова стоял здесь и ему уже было все равно. Отъезд Гагариной за границу, похожий на бегство – ни словечка, ни строки. Многодневная изматывающая осада двоюродных братьев, доводившая до ночных истерик. Он не полез в петлю и не бросился вслед за княжной ломать прутья своей клетки, просто протопил ее письмами печь и отправился сюда. Фавор? Пусть. У него больше нет сил.

Шелковые занавески на окнах. Над диваном в прихотливой раме все тот же Буше.

– Продолжите мне толкование этой картины, – приказала Елисавет.

Таким вот голосом прикажет раздеться, ложиться, начинать, и он все сделает. Страшно? Стыдно? Все равно.

– Это картина славного французского мастера Буше...

Утром императрица сказала Петру Шувалову:

– Оставь его. Надо же и меня кому-нибудь уму-разуму учить, а то я так и помру старой дурой.

Скоро ли? Ни звука. Часы отстучали половину четвертого. Раскрылась дверь. Священник, еще люди, великий князь с дурацкой улыбкой, заплаканные глаза великой княгини, девка с тазом теплой воды и в глубине комнаты огромная кровать с бугром тела Елисавет. Ему делают знак войти. Он остается с ней один, только по холодку сквозняка в спину, понимая, что дверь закрыли не до конца и в щель смотрят, слушают...

Шувалов сел возле императрицы и низко наклонился. Его руки пылали, теперь Иван Иванович испугался, что они слишком горячие.

– Лиза, – сказал он по-русски.

Ее опавшее лицо заколыхалось, бесцветные губы шевельнулись.

– Птичка.

Комок, вставший в горле у Шувалова, попер вверх. Он скорее понял, чем услышал, что Елисавет просит его наклониться еще ниже, к самому ее лицу. Когда Иван Иванович почувствовал на своем ухе ее дыхание, она вдруг сказала:

– Прости меня, Птичка.

Он обмер. Потом поймал взглядом ее взгляд и, глядя прямо в глаза, твердо и тихо произнес:

– Я был с тобой очень счастлив.

– Прости меня, Птичка, – повторила женщина, ее бессильная большая рука напозла на его ладонь.

– Я люблю тебя, Лиз. – Он не говорил ей этого годами, а по-русски не говорил никогда.

Слабая улыбка осветила ее глаза, и, повинувшись внезапному чувству, Иван Иванович поцеловал императрицу в безответный ободок губ, долго и страстно, как не целуют умирающих.

– Уезжай. – Елисавет смотрела прямо перед собой.

Иван Иванович растерялся.

– Здесь тебе не дадут...

– Я знаю, – он кивнул и замялся, – но университет... возможно...

– Не будет больше университета, Птичка.

– Но, Лиз... – голос Ивана Ивановича зазвучал отчаянно.

– Ничего больше не будет. – Государыня устало отвернулась. – Уезжай.

Глава 2. Блеск и нищета резидента

Декабрь 1762 года. Вена

Сырой воздух проникал в камеру сквозь не зарешеченное окно. Арестант ворочался на вонючем пролеженном матрасе и погромыхивал наручниками. Кандалы на него не надели: все-таки важная птица – секретарь французского посольства шевалье Шарль д'Эон де Бомон. Но дело, за которым его застали, не терпело мягкосердечия. Шутка ли: пронырливый лягушатник проник в будуар самой королевы и едва не обесчестил ее!

Шарль перевернулся с боку на бок и поежился. Ему не дали даже одеяла. Между тем ветер с Темзы крепчал, и продуваемая насквозь камера походила на корабельный кубрик – того и гляди начнет раскачиваться.

Шевалье де Бомон не принадлежал к тем, кто унывает в передрыгах. Ему было за тридцать, более десяти лет он служил резидентом французской разведки и повидал много такого, о чем предпочел бы забыть. Сейчас секретарь размышлял над вопросом, как очутился в башне Ньюгейтской тюрьмы для умалишенных. Лучшего места для него, конечно, не нашлось!

Шарль потер ладонями грязное осунувшееся лицо. Мысль о том, в каком состоянии будет кожа после недельного пребывания в крысятнике, не добавила ему оптимизма. Но он прогнал ее, как гонял своих серых хвостатых соседей. Сейчас надо было думать о причине провала, вспомнить детали, перебрать в голове подробности...

Три недели назад из Парижа пришло новое предписание. Ему поручалось переговоры с королевой Шарлотой. Сделать это казалось нетрудно. Как посольский чиновник де Бомон был вхож ко двору. К тому же в девичестве королева звалась герцогиней Мекленбург-Стрелицкой, и отец Шарля был на короткой ноге с ее родными. Встретив в Лондоне приятеля детских игр, милая дама несказанно обрадовалась и принимала его запросто, как старого знакомого. Обаятельный насмешник пришелся как нельзя кстати в ее маленькой веселой компании. Словом, версальские начальники знали, кого посылать с миссией.

Сложность состояла в том, что беседа должна была произойти наедине. А королева в течение всего дня обязана оставаться на людях. Даже когда она вроде бы одна: во время утреннего туалета, чтения книг, музыкальных упражнений – рядом с ней постоянно кто-то находится. Лакеи, горничные, фрейлины... В молельне есть священник, в саду – садовник, в постели – муж.

Между тем разговор не терпел лишних ушей. Милая дама имела огромное влияние на чудаковатого супруга и могла убедить его не вмешиваться в войну. Англия была союзницей Пруссии, следовательно, врагом Франции. До сих пор Георг III хранил олимпийское спокойствие, не пошевелив и пальцем, чтоб помочь «доброму брату Фридриху». Но с тех пор, как последний нес серьезные потери, Сент-Джеймский кабинет заговорил о военной поддержке.

Следовало повлиять на королеву с тем, чтоб она в свою очередь повлиала на короля. У де Бомона имелся отличный козырь – владения родителей Шарлоты, которым также угрожали пруссаки. Может быть, Англия что-то и выиграет от усиления Фридриха II, но вот семья герцогини Мекленбург-Стрелицкой потеряет все свое состояние!

Разговор назрел, и резидент ужом вился, выискивая удобную лазейку, чтоб подобраться к королеве. После того что де Бомон вытворял в Петербурге, полгода прохаживая в женском платье и не вызвав при дворе ни тени подозрений, любая миссия казалась детской игрой в фантики. Наконец он нашел, что искал. Перед сном королева некоторое время читала в будуаре по-немецки. Остальное зависело от ловкости Шарля.

Резидент всегда предпочитал действовать один. Еще в Петербурге он усвоил урок: свяжешься с другими, горько пожалеешь. Люди по преимуществу глупы. Помощи от них не

дождешься, а обузой они становятся в одно мгновение. Сопровождавший его в Россию сэръ Дуглас, шотландский путешественник и «дядя» прелестной Лии де Бомон, чуть только «племянница» продвинулась при дворе, взревновал к успеху партнера и стал вставлять палки в колеса. От него пришлось избавиться. Шевалье не жалел. Такая работа. При чем тут жалость?

Сейчас Шарля тоже беспокоило, что в деле с королевой без посторонней помощи не обойтись. Придется поставить в известность об операции посла графа Клода де Герши. С ним у де Бомона отношения не складывались. Граф свил себе в Лондоне уютное гнездышко и сибаритствовал на славу, а все дела подгрел под себя расторопный секретарь. С некоторых пор это смущало посла, он несколько раз жаловался в Париж на своеволие подчиненного и всякий раз получал ответ, что у де Бомона слишком высокие покровители в Версале.

Герши догадывался, что помощник метит на его место. Шарль и сам этого не скрывал. Жалованье секретаря небольшое. Резидентские деньги – курам на смех. А расходов по должности прорва. Чтобы поддерживать себя, де Бомон даже давал уроки фехтования. Благо отбоя от учеников у знаменитого дуэлянта не было.

Но и этих средств не хватало, тем более теперь, когда шевалье собирался жениться. Собирался это, конечно, громко сказано. Но Шарль обзавелся семьей и положение обязывало. Два года назад в России ему помогла фрейлина императрицы Надежда Штейн, дочь мекленбургского генерала на русской службе, девица расторопная, пригожая и пользовавшаяся доверием Елисавет. По чести сказать, без нее де Бомон не справился бы с заданием. Она одна знала его тайну. Застала как-то «прелестную Лию» в неудобной позе за кустами роз. Пришлось сделать Надин своим союзником. Он соблазнил ее и научил работать. Когда же де Бомону пришлось бежать, Штейн осталась в Петербурге.

О дальнейшей судьбе Надин шевалье узнал уже в Лондоне. Ее арестовали, как «лучшую подружку Лии» и заточили в крепости Пернов на эстляндской границе. Там несчастная женщина родила, ребенок умер. Через год ей удалось бежать, соблазнив караульных. Нищая, оборванная она добралась до Англии. Де Бомон не мог ее не принять.

Итак, он поставил в известность графа де Герши, и тот должен был вечером за карточным столом отвлечь короля беседой, задержав дольше обычного перед отходом ко сну. Посол сначала запротестовал – такое поведение было нарушением дипломатического этикета. Но резидент напомнил о приказе из Парижа, и начальнику пришлось покориться.

Вечером в пятницу, во время большой карточной игры, де Бомон незаметно выскользнул из зала и под предлогом духоты прошел в зеркальную галерею Сент-Джеймского дворца. Из ее южного крыла лестница вела в личные покои монархов. К счастью, Шарль никого не встретил, а лакеи у дверей были подкуплены.

Шевалье добрался до будуара быстрее, чем рассчитывал. Теперь главное – не напугать королеву. За стеной гардеробной шуршал батист и сыпались на пол булавки. Шарлоту переодевали ко сну. Наконец горничные удалились. Ее Величество взяла свечу, дверь скрипнула. Темное чрево комнаты озарилось ярким светом шандала. Из-за портьеры де Бомону казалось, что она держит в руках горящий веник.

Шарлота села у стола, оправила края меховой накидки, в гардеробной было не тепло, и раскрыла книгу, заложенную травинкой. Видимо, перед этим она читала в саду.

– Мадам, – де Бомон шагнул на свет. – Мне необходимо с вами поговорить по праву старого друга...

Королева завизжала как ошпаренная. Подскочив к ней, шевалье зажал даме рот.

– Умоляю вас, успокойтесь. Дело не требует отлагательства. Доверьтесь мне...

Шарлота укусила его за ладонь, но де Бомон не отдернул руку.

– Успокойтесь! Я не причиню вам никакого вреда! Это же я, Шарль!

На лице перепуганной женщины мелькнуло узнавание. Она перестала брыкаться. Все еще могло бы кончиться хорошо. Но в этот момент за стеной на лестнице раздался топот множества ног, крики, бряканье оружия. В дверь ударили, незапертые створки распахнулись, и глазам потрясенных придворных предстала сцена, ужасная в своей откровенности.

Ее Величество в тонком батистовом неглиже и сползшей с плеч накидке билась в объятьях неизвестного мужчины, который зажимал ей рот.

Де Бомона не убили только потому, что кто-то вовремя вспомнил о дипломатической неприкосновенности. Но ребра ему помяли изрядно. Рыдающую полуголую Шарлоту увели в спальню. При этом две статс-дамы взирали на свою госпожу такими прокурорскими взглядами, будто она сама задумала отдаться насильнику. Репутация королевы была погублена.

Шарль сел и растер затекший затылок. Не оставалось ни малейших сомнений, его сдали. Цинично и просто. В надежде на скорую расправу или дипломатический скандал. Винить в этом кого-либо, кроме де Герши, язык не поворачивался.

За стеной послышались шаги. В засове повернулся ключ. Дверь с натугой поддалась.

Шевалье привстал на локтях со своего скорбного ложа.

Вошедших было пятеро. Двое стражников держали в руках факелы, хотя в камере и без того казалось светло. Остальные, судя по платью, важные персоны, выстроились у стены и церемонно представились.

Председатель палаты лордов граф Роберт Эссекс, седой старик с крючковатым носом и птичьими глазами.

Главный прокурор королевского суда в Олд Бейли лорд Уильям Сомерсет, Седьмой граф Вустерский. Полный, на вид добродушный весельчак с розовыми щеками.

Посол Его Христианнейшего Величества короля Людовика XV при английском дворе. Ну, Герши-то он знал.

Последний раскрыл черный кожаный портфель и торопливо зашуршал бумагами.

– Сударь, – его голос звучал отстранено, – ваше вызывающее поведение спровоцировало серьезный дипломатический скандал и может привести к разрыву отношений между нашими странами.

Де Бомон поморщился. Примерно этого он и ожидал: его высылают. А после провала на вознаграждение от короля рассчитывать не приходится.

– Замять инцидент, не оставив следа на чести Ее Величества... – продолжал Герши.

– Матери будущего наследника престола, – почему-то взвизгнул граф Эссекс.

– ...можно лишь одним способом.

– Убив меня? – огрызнулся шевалье.

– Это было бы слишком просто. – Прокурор улыбнулся ему как родному. – К счастью, ваш король все решил за вас.

– Его Христианнейшее Величество, – напыжился Герши, – собственноручно написал Его Величеству Георгу III письмо, в котором заверил, что вы, шевалье д'Эон де Бомон, являетесь на самом деле переодетой девицей Лией де Бомон, находящейся на службе у французского правительства. Вы передавали королеве Шарлоте вести от ее родителей из объята войной Германии.

У резидента глаза полезли на лоб.

– И он этому поверил? – с едва скрываемой издевкой осведомился Шарль.

– Неважно, чему он поверил, – оборвал шевалье главный прокурор. – Важно, что написано в бумагах.

– А в них сказано, – де Герши пошелестел страницами, – что вы, Лия Женевьева-Луиза д'Эон де Бомон, родились в 1728 году в городе Тоннер в Бургундии в семье адвоката. – Посол подсунул под нос резиденту желтый лист с гербовой печатью, исписанный красивым

разборчивым почерком. – А это ваше обязательство никогда впредь не появляться на улицах Лондона в мужской одежде.

Де Бомон крикнул.

– Осталось только подписать и вы свободны. – Прокурор сложил на груди пухлые ручки. Казалось, все происходящее доставляет ему огромное удовольствие.

– Но я не могу. – Шарль мотнул головой. – Не могу. Разве не понятно?

– В таком случае вы останетесь здесь, – зловеще прокаркал граф Эссекс. – А это, хочу заметить, тюрьма для умалишенных. Вас содержат одного, в очень приличных по здешним меркам условиях. – Лорд помял пальцами костлявый подбородок. – Но все может измениться, молодой человек. Слова вашего короля достаточно, чтоб вас признали женщиной. Хотя бы в стенах этого исправительного заведения. – Он вздохнул. – С вами поступят как с преступницей: обреют наголо, оденут в арестантское платье и посадят на цепь.

– Подписывайте, – вкрадчиво сказал прокурор, – не испытывайте судьбу.

Тюремщики у стены глумливо заржали.

– Если б мы знали, петушок, что ты девка, – никого не смущаясь, бросил заключенному один из них, – мы б тебе пощипали перышки!

Де Герши опасно скосил на них глаза, открыл чернильницу, висевшую у него на шее, и подал де Бомону перо.

С минуту шевалье колебался, потом протянул руку за листом. Он был человеком без предрассудков. Есть вещи, способные доставить большие неудобства. Но резидент надеялся их перетерпеть. В конце концов никто не обязывал его всю жизнь жить в Лондоне.

Дорогой до посольства де Герши молчал. Шевалье тоже не проронил ни слова. Только вылезая из кареты, он лениво бросил послу:

– Кажется, с этой минуты я больше не служу у вас под началом?

– Дамы не проходят по дипломатическому ведомству, – съязвил граф.

– В таком случае, – де Бомон резко развернулся и преградил послу дорогу, – я вас вызываю.

– Я не дерусь с женщинами, – Де Герши брезгливо толкнул бывшего подчиненного в плечо. – Не забывайте: на территории Великобритании вы – девица Лия.

Брови шевалье мрачно сдвинулись.

– А вы намереваетесь всю жизнь просидеть за Ла-Маншем?

Не удостоив посла больше ни словом, он вошел внутрь.

Надин ожидала его уже несколько дней. Судя по бледному, осунувшемуся лицу, она извелась. Бедная дурочка, угораздило же ее связаться с ним! Де Бомон не знал, чего она вызывает в нем больше: жалости или раздражения? Женщина для резидента – обуза. Постоянная женщина – смерть.

Имей шевалье деньги, он предложил бы Надин хорошее содержание и оставил в любом приглянувшемся ей городе: Лондоне, Париже, Дрездене, Варшаве... Но денег не было.

И не будет. Ведь де Бомон провалил миссию.

– Все очень плохо, – бросил Шарль, стягивая через голову грязную рубашку. – Мне пришлось подписать...

– Я знаю. – Надин положила холщовое полотенце на край деревянной кадки с горячей водой. – Мсье де Герши говорил мне. Это срывает твои планы?

Иногда она казалась ему слабоумной.

– Это, – он взял полотенце, – оставляет нас без средств. – Шевалье погрузился в кадку, не испытывая ни малейшего удовольствия. – Я лишился места – дамы не служат в посоль-

стве. Уроки фехтования придется отменить – женщины не дерутся. За мной будет установлен круглосуточный надзор. Я не смогу даже...

– Ты не сможешь жениться! – вдруг догадалась Надин.

Она выпрямилась и обвиняюще уставилась на любовника, будто Шарль сам затеял игру с переодеваниями.

– Мы хотели венчаться! – всхлипнула женщина.

– Тебя только это и волнует? – вспыхнул де Бомон и тут же получил мокрым полотенцем по щеке.

– Ты уже не знаешь, как от меня избавиться! – Надин в слезах выбежала из комнаты.

Это была правда, но де Бомон не ощущал себя подлецом. Все происходившее было лишним, ненужным, не имевшим к нему никакого отношения.

Переправа через Ла-Манш заняла сутки. Если бы не встречный ветер, яхта, нанятая де Бомоном, добралась бы до Кале вдвое быстрее. Отсюда прямой путь лежал на Париж, и не дав Надин отдохнуть после чудовищной качки, шевалье велел закладывать лошадей.

Причиной такой спешки было письмо, ожидавшее резидента вместе с нарочным в приморской гостинице «Нептун». Едва мокрый и злой де Бомон переступил порог, одной рукой поддерживая совершенно зеленую Надин, а другой прижимая к груди железный сундучок с документами, как им навстречу поднялся рослый швейцарец в красной форме с золотыми позументами. Личная охрана короля – сколько чести!

– Мадемуазель Лия де Бомон? – обратился он к Надин. – Вы прибыли на яхте «Святой Евстафий»? Вам послание. Извольте предъявить...

– Лия де Бомон это я. – Шевалье без дальних объяснений вырвал из рук швейцарца конверт и сунул ему под нос золотой перстень-печатку: голубка с веткой мирта в клюве. Маркиза де Помпадур надела ему на палец этот талисман перед отъездом в Россию. Тогда рискованное предприятие де Бомона было действительно миссией мира. С тех пор перстень служил паролем.

Потрясенный швейцарец взял под козырек.

– Мне велено оказывать вам любое содействие.

– Так окажите! – Стряхнув ему на руки большую Надин, шевалье отправился к окну, где грязным кухонным ножом вскрыл конверт. Сургучная печать отлетела от бумаги, как монета от стойки. Даже не обломав края. Что-что, а вскрывать документы он умел!

Заказав себе раков и мадеры (пива на французском берегу не подавали из принципа), де Бомон начал читать. Через минуту он повеселел. Маркиза была, как всегда, неподражаема. Ни слова упрека за проваленную операцию. Бездна сочувствия. Приглашение поспешить в Париж, где его ждут старые друзья...

Шевалье задумался и отхлебнул вина. Он зачем-то нужен Помпадур. Иначе стала бы она так рассыпаться в любезностях! Раки были отвратительны. Ему хотят поручить новое дело. По всей вероятности, трудное, а то нашли бы другого. И еще: парижские покровители сами нуждаются в деньгах. Это также причина, по которой обращаются именно к нему. Знают, что после провала он не запросит многого. Только обычные деловые расходы, на вознаграждение не стоит и рассчитывать. Но, черт возьми, надо же на что-то жить!

Швейцарец привез на первое время сто экю. Не густо. Но и это пока хлеб. Взяв только самое необходимое из багажа, остальное шевалье отправил в родовое поместье в Тоннер. Он с удовольствием отослал бы туда и Надин, но та, как репей, вцепилась в него, уверяя, что прекрасно себя чувствует и готова хоть сейчас верхом скакать до Парижа.

Путешествие со швейцарцем и бабой не доставило удовольствия. В столице де Бомон обычно останавливался на улице Веррери. Хозяин кофейни «Добродетельный турок» сда-

вал верхние комнаты постояльцам. Одному Шарлю много было не надо. Надин тоже делала вид, что не нуждается в комфорте. Она отказалась от мысли стать его женой, но твердо решила сделаться помощницей резидента. Вероятно, в надежде на свою долю вознаграждения. Дудки! Он работает один и ни с кем не делится.

– Вечером меня посетят важные гости, – сухо сказал шевалье. – Будь добра убраться отсюда хотя бы до полуночи.

– Куда же я пойду? – опешила молодая дама. – У меня нет в Париже знакомых.

– На панель, – отрезал де Бомон. – Это развивает гибкость взглядов. – Но заметив в глазах бедняжки обиженные слезы, всучил ей луидор и отправил в театр, где давали «Кандида». – Умоляю, только не приходи рано!

Около одиннадцати у дверей кофейни остановилась карета. Улица была совершенно пустой, и грохот колес далеко разносился по булыжнику. Де Бомон ожидал прибытия кого-нибудь из нижних чинов министерства иностранных дел. Возможно, секретаря графа Шуазеля. Но женский силуэт, который шевалье успел разглядеть в окне, убедил его в том, что прекрасное начальство пожаловало собственной персоной.

За стеной послышался деликатный скрип лестницы, потом в дверь осторожно поскреблись.

– Шарль? Вы на месте?

– К вашим услугам, мадам. – Он распахнул створки.

Закутанная в черный плащ фигура скользнула в комнату. Де Бомон успел заметить дрожь темных кружев и желтоватую кожу щеки. Помпадур постарела с их последней встречи. Или была очень больна. Хорошо, что он не позволил себе слишком много света. Нельзя заставлять некогда прекрасную даму нервничать из-за неуверенности в себе. Пара свечей подальше от стола, вот все, что ей нужно для внутреннего спокойствия.

– Итак, мой милый Шарль, – маркиза села в подставленное кресло, – ты получил мое письмо?

– Да, мадам, и спешил как мог.

– Похвальная расторопность, – она похлопала его сложенным веером по руке. – Эта женщина с тобой, кто она?

– Моя петербургская знакомая, нечаянно объявившаяся в Лондоне, – не без заминки ответил шевалье.

– Тебя избавить от нее?

– Нет, нет, – поспешно заверил де Бомон. – Я справлюсь. Сам. Когда понадобится.

– Понадобится скоро, – кивнула маркиза. – Не подумай дурного. В нашем деле... Впрочем, если она из Петербурга, это может оказаться полезно.

От недоброго предчувствия у резидента засосало под ложечкой.

– А при чем здесь Петербург?

– При том, дорогой Шарль, – маркиза потянула собеседника за рукав и усадила рядом с собой, – что нам необходимо повторить твою миссию в Россию. На бис. Только, – она не без удовольствия наблюдала, как меняется выражение его лица, – с другой целью.

– Мадам!

– Сядь и слушай. – Помпадур резко дернула подбородком, она не любила, когда ей возражали. – Русская императрица – наша союзница умерла. У нее есть наследник. Я не говорю: законный государь. В России сейчас три претендента на престол, и все они законны. Несчастный император Иван VI, свергнутый еще в младенчестве. Великий князь Петр Федорович, племянник императрицы. Она давно провозгласила его своим наследником. Но ходят упорные слухи, что завещание может быть изменено в пользу царевича Павла. Ему всего

семь лет, и за него, очевидно, будет править мать, принцесса Екатерина. Все эти люди для нас исключительно враждебны, поскольку являются пруссаками.

«Ну о принцессе я бы этого не сказал, – подумал де Бомон. – Она, кажется, постаралась стать русской. И ей это удалось даже чересчур хорошо».

– Что касается ребенка, то он не в счет, – продолжала маркиза. – Но у меня большие опасения относительно его отца. Если Петр наследует Елизавете еще до окончания войны, то положение на театре боевых действий может резко измениться. – Помпадур встала. – Он поклонник Фридриха, и Россия в одну минуту из нашего сателлита превратится во врага. Этого нельзя допустить.

– Вы предлагаете мне устроить переворот? – Шевалье наконец справился с потрясением. – Для этого нужны средства посolidнее ста экю.

– Таких денег нет, – отрезала собеседница. – Казна пуста. Идет война, и не мне объяснять вам... – Маркиза закашлялась и поспешно прижала платок к губам. Де Бомон заметил два бурых пятнышка, погубивших безупречную белизну атласа. – Поэтому ваша миссия будет скромнее. – Помпадур скомкала платок. – Надо порыться в бумагах и кое-что найти.

– Что же? Доказательства незаконности Петра Федоровича?

– Вы попали почти в точку, – собеседница кивнула. – Нам нужно отыскать настоящее завещание Петра Великого. С помощью этого документа...

– Но его нет! – едва не возопил де Бомон. – Об этом все знают. Петр не успел начертать свою волю. Сказано лишь: «Отдайте все...» – далее неразборчиво.

– Вы сами читали эти слова? – саркастически рассмеялась гостья.

Шевалье взялся обеими руками за подлокотники ее кресла.

– Вы даете мне заведомо невыполнимые задания. Как в Лондоне.

– Кто же виноват, что вы их выполняете?

Де Бомон остолбенел.

– После разразившегося скандала, – пояснила маркиза, – состояние короля Георга III резко обострилось. Его душевная болезнь прогрессирует. Он шестнадцать часов подряд говорил без остановки о том, что королева шлюха. Затем семьдесят два часа не спал и написал ко всем дворам Европы, будто Лондон затоплен его слезами. Приближенным кажется, что монарх более не способен править. Поэтому в Англии сейчас заняты внутренними делами и отказались от идеи поддержать Пруссию. Так или иначе вы добились своего. Поздравляю.

– Лучше наличными.

– И не рассчитывайте. Только на текущие расходы.

– Тогда и на меня не рассчитывайте! – не выдержал Шарль. – Успех моей первой миссии, это, как говорят в России: дуракам везет. Я еле ноги унес! Канцлер Бестужев едва не упек меня в Сибирь!

– Бестужева больше нет, – прервала его Помпадур. – Теперь канцлером Михаил Воронцов, большой друг и поклонник Лии де Бомон.

– Этого еще не хватало! – взвился Шарль, вспомнив щипки и неуклюжие ухаживания вельможи. – Я не поеду в Россию! Тем более под видом дамы.

– У вас небогатый выбор. – Маркиза холодно смотрела на него. – Отправиться обратно в Англию и до конца дней не снимать женского платья, потому что выезд за пределы Лондона будет вам запрещен. Или принять новую миссию в Петербурге.

«Бывают минуты, когда я жажду революции!» – подумал де Бомон.

– Кстати, вовсе не обязательно представляться дамой, раз уж этот образ вам так наскучил, – продолжала Помпадур. – Вы отправитесь в посольство вполне официально под своим собственным именем. И назоветесь братом Лии. Близнецом. Так ваше сходство не вызовет подозрений. Согласны?

Шарль развел руками. Что ему оставалось делать?

– Скажите на милость, маркиза, – осведомился он, садясь напротив нее, – зачем вам понадобилось это завещание, которое, быть может, даже не существует в реальности?

– Есть вещи, которые непременно должны быть, – заверила его Помпадур. – Если их нет, их следует придумать.

«Это что-то из Вольтера», – мелькнуло в голове у шевалье.

– Если мы будем знать, кому на самом деле Петр Великий завещал трон, мы всегда сможем припереть к стенке царствующую в России особу. Будь это хоть Питер Ульрих, хоть малолетний Павел. Мы станем угрожать обнародованием документа и заставим делать то, что хотим. В условиях войны это важно.

Де Бомон кивнул.

– А если документа нет?

– Я уже дала вам совет, – маркиза встала. – Странно, что вы позволили себе его не расслышать.

Через два дня после посещения Помпадур шевалье узнал, что в Париж по делам дипломатического ведомства прибыл де Герши. Ему, конечно, следовало обсудить с герцогом Шуазелем изменения при лондонском дворе и получить от министра точные инструкции, как действовать в условиях обострившегося безумия английского монарха.

У посла хватало хлопот, и он вряд ли вспоминал об угрозе, брошенной Шарлем незадолго до отъезда из Лондона. Вряд ли он вообще о нем вспоминал. Темная лошадка, тайные поручения, высокие покровители, шальные деньги – так во всяком случае казалось со стороны. Возник из ниоткуда и канул в никуда.

Нет, де Герши не ожидал встретить де Бомона в Париже.

А Шарль ожидал... Целый день под воротами особняка Шуазеля на Бар-сюр-Об. Дом самого графа де Герши надежно охраняли слуги. Не от де Бомона, боже упаси, кому он нужен? От любого наглеца, решившего помаячить под окнами посла, прекрасно спасали лакеи с дубинками. Особняк же министра иностранных дел – почти государственное учреждение, в нем всегда полно народу и мимо его ограды может разгуливать кто угодно.

Вот Шарль и разгуливал. Туда – сюда. С утра до вечера. И где-то около восьми, когда слуги уже покинули дом, к воротам подъехала карета де Герши. Вероятно, свидание с герцогом было назначено на поздний час. Ничего, де Бомон погулял еще немного.

Когда двери распахнулись, выпуская посла на тихую темную улицу, де Бомон отделился от стены дома напротив и нагнал своего врага у кареты.

– Не ждали? – Шевалье положил руку на дверцу экипажа и резко толкнул ее, закрывая. – Есть ли у вас право отказать дворянину в сатисфакции?

– Откуда вы здесь? – Де Герши отпрянул в сторону.

– Я же говорил вам: не переплывайте Ла-Манш. – Шарль сдернул ножны со шпаги. – Защищайтесь.

Де Герши попятился и неловко взмахнул рукой. С запяток кареты спрыгнули два лакея. Они собирались наброситься на де Бомона и защитить господина. Кучер тоже поднял кнут, чтоб полоснуть опасного прохожего по голове. Однако шевалье знал толк в уличных драках. Он пошатнулся, но выдержал удар и позволил ремню обвиться вокруг своего запястья. А потом резко дернул за кнут, свалив кучера с козел прямо под ноги нападавшим лакеям. Сам посол не хотел вступать в драку, пока противник не разогнал его людей. Но те, почувствовав в Шарле реальную опасность, ретировались довольно быстро.

– Дерись! – хрипло бросил врагу де Бомон. – Хоть шпагу вынь!

Де Герши не был трусом. Просто считал ниже своего достоинства дуэль с резидентом. Человеком темного прошлого и еще более темного будущего. Теперь, когда отогнать шевалье было некому, он отступил на шаг и обнажил клинок.

Салютовать Шарлю посол не собирался, но де Бомон пренебрег откровенным оскорблением. К чему церемонии? Этот человек сдал его. Помешал работать. Такого резидент прощать не должен. Ничего личного. Просто иначе его не будут ценить.

Посол сделал боевую стойку и нанес первый удар. Весьма опасный, если учесть, что он метил в кадык. Шарль крутанул восьмерку и легко отклонил клинок противника. Его совершенно не интересовал красивый бой. Не перед кем, улица абсолютно пуста. В сущности он пришел совершить убийство и лишь из уважения к себе превращал его в поединок.

Де Герши попытался контратаковать, попутно нанося удары кулаком левой руки. Грязный стиль. В наказание Шарль с силой стегнул врага шпагой по запястью. Посол взвыл, но оружия не выпустил. Он сделал выпад на поражение, но де Бомон вовремя прикрыл живот, кончик клинка де Герши едва не застрял у него в гарде.

Шарль ценил удобное орудие, на рукоятке его шпаги был крючок, и сейчас он намеревался обезоружить врага. При следующем ударе де Бомон позволил чужому клинку скользнуть по своей шпаге до самой гарды, зацепил его, а потом вывернул руку посла и перехватил ее за запястье.

Несмотря на средний рост и изящное сложение, шевалье был очень силен. Через секунду посол застонал и разжал пальцы, оружие со стуком выпало на мостовую, а уже в следующее мгновение де Бомон приставил клинок к горлу противника.

– Что тебе от меня надо? – с хрипом простонал де Герши.

– Ничего. – Шарль надавил на шпагу. – Ты предал меня. Я знаю, зачем. Я знаю, кому.

– Я не предавал! Это не я... – Посол с ужасом ощутил, как острый штырь погружается ему в горло.

Кончик клинка окрасился красным. Шевалье потянул оружие на себя. Воздух со свистом вышел из треугольной ранки, а затем оттуда фонтанчиком забила кровь. «Не ты, тогда кто же?» Шарль вытер шпагу платком, с лязгом встряхнул ее в ножны и, не оборачиваясь, зашагал по улице.

Глава 3. Виноград для Резль

Январь 1762 года. Вена

– Предатели! – Канцлер Кауниц с шумом выплюнул белую от зубного порошка воду в золотой стакан. – Изменники! Как это может быть? Никто не отступает после победы!

В воздухе захлопал крыльями желтоватый листок с сургучной печатью.

– Донесение нашего резидента Кейзерлинга при штабе русских союзников. Невозмутимый секретарь, весь в черном, как грач на поминках, зачитал канцлеру текст.

– Он пьян! – Кауниц выхватил письмо и впился в него глазами. – Согласитесь, ведь это возможно? Кейзерлинг много лет живет у русских, а там пьют изрядно.

Камердинер долил в стакан воды, проследил, чтоб на полных чувственных губах вельможи не осталось следов мыльной пены, и вытер свежим, разогретым над паром полотенцем румяные щеки Кауница.

– Или они сошли с ума, – сделал новое предположение Кауниц. – Они стояли в Берлине! Это разгром! Полный разгром пруссаков. А теперь выводят оттуда свои войска! Или русские испугались собственной победы?

– Кейзерлинг не пьет, у него язва, – медленно, почти через силу проговорил секретарь. – Что же касается русских, то они могут быть и пьяны, и сумасшедши, но более всего хитры. У них новый император, большой поклонник Фридриха. Что, если они не отступают из Берлина, а разворачивают войска лицом к французам?

– Подайте мне последнее письмо графа Эстергази из Петербурга! – Канцлер впился в донесение австрийского посла, как коршун в кусок сырого мяса, и молниеносно пробежал его глазами. – Есть! «Несмотря на то что вступление молодого государя на престол прошло спокойно, в столице с каждым днем нарастает напряжение. Вскоре в России могут произойти серьезные перемены, не вполне невыгодные для нас ввиду теперешнего почти враждебного отношения, которое демонстрирует Петр Федорович к бывшим союзникам». – Вельможа сорвал с шеи пудермантель и нервно потянулся к письменному столу, хотя утренний туалет еще не был закончен. – Штольц, живо ступайте к обершталмейстеру и испросите для меня высочайшей аудиенции тотчас, как монархи вернутся с прогулки.

– У Ее Величества или у Их Величеств? – переспросил секретарь.

– Конечно, у Ее Величества! У Резль! – чуть не с кулаками напустился на него Кауниц. – С каких пор Его Величество интересуется политикой?

Император Священной Римской империи скакал в хвосте пестрой процессии придворных, сопровождавших императрицу-королеву на прогулку за город. В этом году зима, кажется, и не думала начинаться. Легкие заморозки в начале декабря – все, чем можно было похвастаться. Вена была прекрасна в трепете алых кленов и золотых лип. Каштаны роняли резные листья в светлые, чуть сероватые волны Дуная. Он родился высоко в горах и нес воды все дальше и дальше, через десятки городов и народов, туда, где смуглые турки у самого входа в Черное море могли запереть его на ключ.

Священный город – сердце империи – дремал на холмах и грезил прекрасными снами, в которых звучала музыка неземных арий, умопомрачительные декорации менялись каждую минуту и где-то высоко-высоко в небе пела волшебная флейта.

Кавалькада всадников на тонконогих лошадях пронеслась по уже прихваченной инеем траве на высоком берегу. Путь лежал на юг, туда, где по склону холмов к реке террасами сбегали виноградники. Урожай был давно собран, но кое-где поздние сорта – синие, дымчато-розовые и фиолетовые, как грозовые тучи, – остались на ветках. Это была явная примета войны – рук в деревьях не хватало. Но сегодня думать о плохом не хотелось, и именно

для того, чтоб добавить чернил в палитру золотого и красного, Мария-Терезия отправилась на прогулку.

Она могла себе это позволить. Война шла к концу, Фридрих сдавал русским провинцию за провинцией. Враг выдохся. Устал. И не далек тот день, когда из его хищных лап выпадет Силезия. Наследственные земли Резль, из-за которых и разгорелась кровавая бойня.

Сейчас королеве не хотелось вспоминать о крови. День был ясный. Солнце припекало так, словно на дворе сентябрь. На улицах, через которые проезжал кортеж, люди мыли окна и... пели. Прачки, смеясь, набирали воду у мостков за мельничным колесом и смеялись... Словно и нет войны.

Ни разу за последние пять лет Резль не было так легко на душе. Она оглянулась через плечо, чтобы увидеть мужа, и снова, как до свадьбы, у нее радостно заколотилось сердце.

Франц Лотарингский прибыл ко двору ее отца восьмилетним мальчиком. Она влюбилась в него с первого взгляда, а он принял маленькую принцессу как судьбу и с тех пор ни на день не разлучался с нею. Иногда это бывало нелегко. Ведь Резль, что ни говори, росла императорской дочкой и умела себя поставить. Но так или иначе они ладили, и королева рожала одного младенца за другим. Их было уже одиннадцать, маленьких принцев и принцесс, а хохотушка Резль все пела и танцевала.

Франц умел не забывать «свое место». Казаться простым, доступным для всех, подчеркивать, будто ничего не значит в «ее делах», и внушить это убеждение всем – от иностранных дипломатов до Кауница. Иногда ему и самому так казалось... Элементарная осторожность. Слаб – значит безопасен. А добрый малый Франц хотел выжить при великом дворе великих императоров. Ведь дома, во Франции, ему ничего не светило.

Он был просто муж. Просто отец ее детей. Просто тот, к кому в подушку она плакала, когда негодяй Фридрих откусил у короны Силезию, а собственные подданные отказывались признать за женщиной право на императорский титул. Но именно он, Франц-простак, посоветовал жене обратиться к венграм за помощью, и они на своих саблях принесли Резль императорскую корону. Именно Франц в самом начале войны шепнул, что не стоит всю жизнь колоть глаза соседке из Петербурга низким происхождением ее матери. Она ведь тоже императрица, у нее тоже империя, и большая. Спорных территорий нет, отчего бы не снизойти до дружеской переписки? Не послать подарки? Не поздравить с рождением внука? Не признать за ней императорский титул, наконец? А в замен за милые маленькие любезности попросить помощи, серьезной помощи в большой войне. Вышло, как с венграми. Простодушные импульсивные люди падки на добрые слова. А ведь русские – простодушные люди. Они легко откликаются на похвалу, пусть даже в глубине души чувствуют неискренность...

Король поймал взгляд Резль. У нее были необыкновенно голубые глаза, как небо над холмом Святого Вацлава в день коронации в Праге. Тогда она чертила саблей в воздухе восьмиконечный крест. Эта улыбка сабли дразнила и звала его подскочить поближе. Франц дал жеребцу шпоры и в минуту оказался рядом с Резль. Кто бы ожидал от этого увальня такой прыти!

– Оставим их? – спросила королева. – Поотстанем слегка?

Бесстыдница! Ему ли не знать, зачем они поотстанут.

Придворные – почти домашние слуги – хорошо понимают кивки и взгляды хозяев. Минута, и их уже нет. Растаяли, как туман между деревьями. Только где-то вдалеке слышались перепевы рожков и веселые голоса.

Король и королева ехали рука об руку, а солнце падало на землю сквозь пожухлую дубовую листву.

– Вон там, – Мария-Терезия хлыстиком указала на молодой орешник, – наше место.

– Резль, казна не вынесет еще одного маленького Габсбурга. – Франц засмеялся и помог ей слезть на землю.

– Милый, империя не вынесет еще одной прагматической санкции.

Он знал, о чем она. Когда-то все ее братья скончались, и прежнему государю пришлось объявить наследницей дочь. Это чуть не вызвало гражданской войны. Нет, сыновей должно быть много. Дети даже в императорских семьях умирают часто.

Орешник качался зеленым шатром, солнце припекало, и напившись друг друга, король и королева захотели пить по-настоящему. К несчастью, фляжка Франца была пуста.

– Пьяница! – возмутилась Резль. – Ты осушил ее еще дорогой. – Глаза жены смеялись, а щеки были розовыми, как со сна.

Пока путников скрывала сыроватая тень дубравы, жажда была еще терпима. Но, выехав на солнце, король понял, что, если Резль немедленно не получит воды, она скончается тут же, в седле.

– Надо найти наших. У кого-нибудь да должна быть фляжка! – Жена уже начинала его ненавидеть.

«Где их сейчас искать? – без энтузиазма подумал Франц. – Все как назло куда-то запропастились! Эй вы, олухи, королева умирает!»

Опушка леса подступала к деревенской дороге, за которой шел невысокий забор из сланца с аккуратным черепичным покрытием по верху. За ним тянулись длинные ряды подвязанных к жердям виноградных лоз. Синие бусины крупных ягод поблескивали на солнце, как стеклянные шарики на елке. Они уже едва заметно сморщились и были прихвачены морозцем, но от вожделенного холода казались еще более желанными.

– Сорви мне гроздь. – Губы Резль требовательно выгнулись.

– Милая, это воровство, – поддразнил ее король.

– Сорви! – взвилась женщина. – Ты же видишь, я умираю от жажды.

– Это ж мне надо лезть через забор. И не жаль тебе толстяка? – Франц спрыгнул с коня и, послав жене добродушную усмешку, перескочил за сланцевую загородку. Не углубляясь далеко, король сорвал несколько увесистых гроздей, сложил их в шляпу и двинулся к забору.

– Эй, Резль, это как в сказке про Златовласку. – Он протянул шляпу, и королева коршуном кинулась на ягоды. – Там муж срывает для жены ягоды в саду у колдуньи. У них рождается чудесная девочка, но старуха забирает ее себе... – Франц перенес ногу за забор.

– Сейчас появится колдунья, – с набитым ртом отвечала ему Резль. – Вон, вон бежит!

Франц знал, что королева хочет напугать его, заставить оглянуться, чтоб потом высмеивать всю дорогу назад.

Колдунья не появилась. Раздался выстрел. Дробь просвистела так близко над головой у Франца, что даже срезала один изящный завиток на макушке. Король завопил дурным голосом и вцепился обеими руками в забор. Резль подавилась ягодами.

– Воры! Воры! – По зеленому коридору между рядами виноградных лоз к ним бежал старик в деревянных башмаках и соломенной шляпе. В руках у него была внушительного размера фузея времен императора Августа. Из ее дула шел легкий дымок.

– Стоять! Ни с места! – приказал крестьянин, целя несчастному Францу пониже спины. – Щадить вас не стану. Уж поверьте слову старого солдата. – Старичок пыхтел, раздуваясь от чувства собственного достоинства. – Все в золоте, а туда же! Воровать!

– Да что вы, дедушка, – взмолилась Резль. – Мы думали, тут никого нет.

– А раз нет, так и красть не грешно? Это виноградник моего сына Ганса, он воюет за нашу добрую королеву! Сейчас отведу вас к господину бургомистру. Уж вам суд присудит штраф за потраву.

– Да мы вам и так заплатим. – Франц попытался повернуться к грозному виноградарю. Ему казалось, что одного кольца с его пальца хватит, чтоб кончить недоразумение.

Но старый правдолюбец, видимо, решил до конца стоять за свое имущество.

– Ни с места! – крикнул он. – Живо штаны продырявлю.

Несчастному Францу пришлось повиноваться.

– Я отведу вас в амбар, – заявил старик. – Посидите, пока не приедет господин бургомистр. Там разберемся, что вы за птицы.

Опасаясь за здоровье мужа, королева решила не спорить. Кто его знает? Сумасшедший старик, вдруг и правда пальнет? В душе очень потешаясь над воинственным виноградарем, августейшие воришки прошествовали под конвоем до амбара и были посажены под замок.

– Что скажешь? – грустно спросил Франц, садясь на ларь и качая в воздухе ногой.

– Пить хочется, – королева смотрела на мужа с затаенным смехом в глазах. – Вон бутылки на верхней полке.

– Ты... ты... ты!!! – взвился добряк Франц. – Из-за тебя мы попали в эту дыру. Почему ты не сказала ему, кто мы?

– А ты почему не сказал? – парировала женщина.

Франц смешался.

– Я думал, ты должна первая...

Он так привык на людях уступать ей во всем.

– Я должна! Я должна! – Резль взобралась на другой ларь и сама достала бутылку мутноватого вина. – Хотя открыть-то сам сможешь? Или мне зубы портить?

– Дай сюда! – оскорбленный до глубины души король отобрал у нее бутылку и одним ударом по донышку выбил пробку. – Зубы! Зубы!

– Франц, а Франц, – она подвинулась к нему. – Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, – сердито бросил король, отхлебнув вино, но так и не вернув жене бутылку.

– Франц, он все равно бы нам не поверил, – жалобно взмолилась Мария-Терезия. – Что тут дурного? Подождем бургомистра. Вот смеху-то будет!

– Потом придется в оба глядеть, чтоб этот гнусный старикашка не застрелился со страху, – заявил король таким тоном, что сразу становилось ясно: он, Франц, будет счастлив, если виноградарь пустит себе пулю в лоб. – Держи. – Изрядно опустошенная бутылка переключивалась в руки Марии-Терезии.

– Что-то тут жарко, – король снял камзол и перекинул его через одну из перекладин приставной лесенки. – Там сеновал.

Женщина сразу поняла мужа. Недаром они знали друг друга с детства. Франц потянул ее за руку, и по шаткой лестнице они взобрались наверх.

– Надеюсь, бургомистр придет не скоро.

– Сегодня как раз такой день, когда от волшебных ягод появляются волшебные дети.

– У нее будут золотые волосы, как у тебя, – шептал Франц, закручивая на палец тугое колечко кудрей.

– Мы назовем ее Туанон, – вздыхала Резль. – Туанон Златовласка. Ее жизнь будет полна приключений...

– Опасных приключений...

– Но все кончится хорошо...

Замок в двери тягуче заскрипел и лязгнул.

– Че-ерт! – выдохнули оба.

Бургомистра не потребовалось. В амбар тревожной гурьбой, восклицая: «Ваше Величество! Ваше Величество!» – ввалились придворные, недавние спутники Резль и Франца. Августейшим пленникам пришлось поторопиться, чтоб привести свою одежду в порядок и вытащить солому из волос. Насмерть перепуганный старик-виноградарь был затерт у дверей.

– Не бойся, – королева смерила его долгим насмешливым взглядом. – Я прикажу поставить у твоей межи мраморный обелиск с надписью: «Здесь в лето 1762 января 2 дня Их

Величества Мария-Терезия и Франц Лотарингский были посажены под замок за воровство винограда».

Несмотря на теплый день, на монархов накинули еще по одному плащу, полагая, что пребывание в крестьянском сарае уже само по себе большое испытание. Однако Резль была довольна, она обожала приключения, которые хорошо кончаются. Ванна с тонизирующей альпийской солью, чашечка горячего шоколада, мягкое полотенце из овечьей шерсти – все это грезилось императрице-королеве на пути домой.

Однако обершталмейстер сообщил ей, что канцлер уже протоптал под дверь ее кабинета борозду в паркете. Резль оценила шутку, Кауниц действительно напоминал упитанного кабанчика с воинственно торчащими клыками и в случае надобности мог рыть копытами землю.

– Извини, Франц, но, кажется, граф Венцель Антон нашел мне дело.

– Ничего, – кивнул король. – Я пойду приму ванну, прикажу готовить шоколад и буду ждать тебя в диванной.

«Почему ему всегда можно то, чего нельзя мне? – с тоской думала императрица. – Счастливый бездельник!»

Король засвистел себе под нос: «А вот и до Кауница добежали вести!» Все опять сделалось без его участия. Он сунул руки в карманы и задрал полы прогулочного камзола вверх. Ему под пальцы попала маленькая неспелая винограда, упавшая, вероятно, с кисти, которую он протягивал жене. «Милая Резль, кажется, в ближайшее время тебе придется сильно попотеть. Кое-кто на театре военных действий расхотел рвать для тебя виноград, подставляясь под пули прусских огородников!»

Вчера Франц получил шифровку от Кейзерлинга. Резидент всегда слуга двух господ. У него есть официальные и неофициальные начальники, и вторых он должен успеть обслужить раньше первых, но так, чтоб первые ничего не заметили. Кейзерлинг это умел, Эстергази нет. Поэтому Франц ценил одного и презирал другого. Он еще утром до прогулки знал об измене русских и хотел, чтоб у Резль хорошенько проветрилась голова, прежде чем на нее обрушится сокрушительная новость. Он хотел, чтоб ей было весело и просил у Бога одно короткое приключение, после которого императрице все опасности мира покажутся пустяками.

Солнце чертило пятнистые узоры на дубовом паркете, день был прекрасен, а Франц-простак с чувством исполненного долга направлялся пить кофе.

Глава 4. Император

Декабрь 1761 года. Санкт-Петербург

Длинные, болезненно-белые пальцы Питера-Ульриха ласкали красноватый лак скрипки. Семнадцать лет. Огрубевшие, почти потерявшие музыкальность руки. Теперь он мог ими гордиться. «Main gooten... Main liben... Их так раздражал твой звук, что наставник Брюммер швырнул тебя на пол. Ничего, он и меня бил головой об стенку и отнимал башмаки, а из-под полу дуло... Но теперь мы им покажем!»

Узкая, вовсе не солдатская ладонь императора легла на короб. «У нас сегодня праздник. Мы будем петь и веселиться всю ночь. Пить старое рейнское и говорить по-немецки. Боже, по-немецки! Годами, Господи, я только к тебе мог обратиться на родном языке. Даже со своими соотечественниками, которые вовсе не обязаны... через переводчика. О, как унижительно!»

Уши. Всюду уши. И ни минуты, ни с кем из близких наедине. Только с женой, с этой в конец особачившейся стервой, готовой лизать толстую задницу тетки Эльзы, только потому что так делают русские.

Шпионы. Даже в собственной постели на него каждый вечер выкатывал водянистые от здешней сырости глазищи шпион. «Разъелась, отрастила телеса, бабища! У нас последняя молочница стройнее! Им это нравится! Дикари. Привыкли, чтоб женщину было за что хватать. Разве им ведомо что-нибудь, кроме грязи?»

Тетка Эльза – вот как звался его рок. Имя его несчастьям было Россия. Он смотрел в окно на занесенный снегом парк и видел совсем другие деревья: прогибавшиеся под пушистыми крещенскими хлопьями еще зеленые яблони замкового сада в Киле. Холода, неожиданные, внезапные, всего на пару дней. Пусть будет дождь, лучше дождь, мягкий, усыпляющий. Он откроет окно. Ветер? Храбрый Ульрих не боится ветра!

Он хочет, чтоб даже служанки, спешно снимающие белье во внутреннем дворике, слышали, как он играет. Что-нибудь веселое. Что распевают на улицах города? Их славный маленький герцог любую мелодию схватывает на лету. Правда, у него отняли и сожгли ноты. В таком случае он будет играть, что в голову взбредет! Вот две прачки заслушались, и кучер, и лакей. Они никогда не обижают его. Кухарка – верх добродетели – утаивает сладости и потихоньку сует их сироте: «Милый мой, бедный мальчик!»

Ваш герцог знает, как вам плохо. Разве вами могут хорошо управлять те, кто так безжалостен к нему самому? «Не плачьте, я вырасту, и от этих шельм духу здесь не останется. Они чувствуют, что их время коротко, потому и воруют. Вчера я видел, как наставник Брюммер унес золотой подсвечник из моей спальни. Ничего, я поплю с медным, но придет время, и я унесу у него голову!»

Ульрих представил вдруг, как во всем предоставленный самому себе блуждает по улицам старого Киля, пьет пиво на пристани и кричит пузатому трактирщику с рыжими, как щетка, усами: «Спасибо, дружище, я еще раз зайду на днях». Как стучат колеса его кареты по выщербленному бульжнику, и он, герцог, говорит графине Елизавете Воронцовой, склоняя голову к ее мягким ладоням: «Если бы вы знали, сколько мне пришлось вынести!»

Маленькая горбунья в розовом паричке! Разве эти недоноски могут понять, что существует что-то превыше плотской тяги? Родство душ им неведомо. «Господи, почему я здесь? Мама, мама, зачем ты родилась русской?»

Разве Питер знал, куда забросит его судьба? Он надеялся, что хотя бы теперь избежит от камергера Брюммера, но воспитатели были выписаны вместе с ним. Дорогой они жрала жирных кур и копченые колбаски, а мальчик давился слюной. Его поразил страшный рост

усачей-гвардейцев, присланных за ним, а строгий канцлер Бестужев постоянно называл его: «ваше высочество» и решительно запретил ковырять в носу.

Петербург еще был похож на город, но Питера повезли в глубь этого безлюдного пространства к дымному скифскому стойбищу с названием «Москва». Впрочем, там тоже оказались дома, даже улицы, а над крышами их кирх горели вымазанные золотом шишечки. Ажурные, словно в кружевах, кресты не понравились Ульриху. Близ Бога должна быть строгость, так учил его старый каноник в Киле.

Тетка Эльза, громадная женщина под стать своим солдатам, троекратно расцеловала его мокрыми губами. Мальчик терпеть не мог прилюдных нежностей. Она рассмеялась и потрепала его по щеке. Кто же мог знать об ее истинных намерениях? Не успел Питер переступить порог дворца, как ему коварно предложили вымыться с дороги.

О люди! Говорят, Ричард III велел удушить своих племянников, чтоб завладеть тронном. Русская императрица замыслила сварить Питера, а потом съесть со своими великанами. Ведь его предупреждали дома и кухарка, и старый привратник, что русские пожирают людей сырыми, а недоеденные тела хранят в снегу. Их царица чрезвычайно утонченная женщина – она приказывает готовить себе мясо на огне.

Впрочем, способ варки у этих недоумков тоже был какой-то дикий. Они все время окатывали его водой из ведер. «Не надо, не бейте меня прутьями, я ничего не вижу. Я задыхаюсь в горячем пару! У меня слабая грудь. Кашель. Вот уже кровь. Умоляю вас, ради ваших матерей, не убивайте меня!» Обезумев от страха, мальчик метался по мокрому полу бани и со слезами просил двух дюжих парней объяснить его тетке, их государыне, что она напрасно заманила его сюда, он вовсе не претендует на русский престол, он хочет домой... Ульрих кричал по-немецки, и банщики, конечно, ничего не поняли.

Эльза не убила его, но с изощренной жестокостью пообещала, что Питера будут истязать таким образом каждую неделю, пока он не сменит веру. «Господи, прости меня, я не выдержал, я отрекся от Лютера. Но не душой же! В сердце своем я остался с верой моей бедной Родины. Помогите мне, как затерянному листу с могучей ветви не погибнуть в этих снегах».

Когда тебе четырнадцать лет, ты вполне можешь не понять, что такое баня. Но когда тебе тридцать и ты прекрасно сознаешь, что такое Россия, становится жутко. С тех пор как мальчик нетвердым голосом, спотыкаясь, как на колдобинах, на чужих гортанных словах, прочел в церкви «Символ Веры», он потерял собственное имя и полностью подпал под волю императрицы враждебной державы. Эльза держала двор, как собственную дворню, и ему предстояло стать не наследником престола Петром Федоровичем, а обалдуем-племянником Петрушкой, выписанным из-за границы одновременно с говорящим попугаем и музыкальным ящиком.

Императрица навсегда осталась для него загадкой. Она то осыпала Питера безмерными ласками, то при всех отвешивала пощечины. То говела по шесть недель и пешком ходила к Троице, то пила без просыпу и целыми днями валялась в кровати со смазливými мальчишками, угодливо исполнявшими любую ее прихоть. То крестила солдатских детей и запросто пела с кумовьями на Святки, то бывала надменна даже с государями великих держав. Иногда Елисавет не находила себе места от тоски, и казалось, что человеческое сердце не может выдержать таких страданий, хотя никто не знал их причины. А случалось – исходила приступами безудержного веселья, и маскарады с охотами следовали изматывающей чередой.

Несмотря на годы, проведенные среди дикарей, Питер-Ульрих так и не привык ни к дребезжащему заутреннему звону, ни к сусальной святости, ни к безудержному хамству жителей этой безобразно большой страны. И через много лет он, как в день приезда, чувствовал себя оторванным от своей великой родины. Где-то за Москвой, далеко на востоке в заледенелой степи копили силы несметные полчища скифов, чтоб, как в древние времена,

вновь пожрать Европу. И первой, он знал, будет его храбрая Пруссия – колыбель доблести и славы.

Час настал, орды хлынули, сметая все на своем пути, и, бросив Польшу под копыта коней, пересекли священные рубежи Бранденбурга. А он должен был молчать и улыбаться разорителям своего дома. Дурная весть о начале войны поразила великого князя, он слег на неделю и поднялся с постели вновь голштинским герцогом. «О, меня нет там. Я бы смог, я бы защитил...» Сердце трепыхалось, как воробей с поломанными крыльями, и рвалось под руку великого Фридриха.

В бреду перед глазами Питера плыли разъезженные осенние дороги в бесконечном марше солдатских сапог, горящие мызы, аккуратные поля, затоптанные конными авангардами, белокурые женские трупы в полных грязной воды канавах. Он делал все, что мог, он сообщал все, что удавалось узнать, он влезал в невероятные долги и подкупал секретарей Конференции, проникая в тайные бумаги. И все же они задавили числом!

Величайшего государя, с таким трудом объединившего Пруссию, изгнали из собственного дома! Берлинских газетчиков пороли на площади, в столице грабили особняки, избивали людей на улице, с непонятной злобой крушили зеркала, фарфор, просто стекла в домах: «Как живут, сволочи! Как живут!» Рвали на обмотки штоф, содранными со стен гобеленами покрывали лошадей, рубили на дрова рамы от итальянских картин, а сами картины – да бог с ними – тряпка и тряпка.

И вот теперь эта женщина, эта предводительница варваров, надругавшаяся над его родиной, умерла. «Боже, верую, верую в силу Твою! Ты спасал нас от бед, и то, что преставилась она на Твое светлое Рождество, разве не знак?

Откройте двери! Мне некого больше бояться. Пусть слышат, я играю на своей скрипке, не таясь. Мой великий, мой несчастный господин Фридрих, я верну тебе все и пусть унижение врагов скрепит наш царственный союз».

В зале, где в высоком гробе были выставлены мертвые тела тетки Эльзы, горело множество свечей, и гнусно-волосатый попик в безобразном золотом одеянии и чудной, почти еврейской шляпе читал Евангелие.

Все присутствующие застыли не шелохнувшись. Дамы тихо плакали. Это натянутое молчание рассердило Петра. Дорогой он ущипнул хорошенькую графиню Нарышнику за локоть. Та взвизгнула и уронила свечу. Враждебные взгляды присутствующих еще больше разозлили императора. «Я, я ваш государь, убудки! Или вы еще не опомнились и по привычке продолжаете лизать мертвую задницу? Я вас оскорбляю? Но ведь не посмеете же вы выгнать меня отсюда. Стерпите. Все стерпите. Теперь я ваш хозяин».

Почему он, собственно, должен корчить печаль? Привезя в Россию, тетка Эльза сломала ему жизнь! Лишь раз Петру удалось ей как следует отомстить. В Летнем дворце будуар государыни смыкался с диванной великокняжеской четы. Дыра в обоях была почти незаметна, зато удобна глазу. Любой получал возможность наблюдать за ночными «ужинами» императрицы варваров. «Смотрите, смотрите, мои славные голштинские лакеи, смотрите истопники и горничные, жена и фрейлины, как копошится на груде неповоротливого мяса прекрасный, как Адонис, Разумовский».

Историю замаяли. Какое ему дело, что тетка Эльза больше не подпускала его к руке? Вот только жаль подарки малому двору разом иссякли. Да шея сильно болела, когда, проходя поздно вечером по крутой лестнице без свечей, он вдруг всем телом врезался в стену. С чего бы это? Кто осмелился схватить его за плечи и протащить два пролета лицом по неоштукатуренному кирпичу?

Но Питер не отомстил императрице за главную подлость, совершенную более семнадцати лет назад. В довершении ко всем неприятностям Эльза выписала ему жену, его трою-

родную сестру Софию-Фредерику. Он терпеть не мог эту кривляку из штеттинской глуши. Она с самого приезда строила кислые мины и отказывалась играть с ним в солдатики. Девять лет от терпел возле себя лицемерную куклу, ловко избегавшую всех попыток близости с его стороны. Впрочем, он и не настаивал, опасаясь сплеховать в нужный момент.

Разве не она довела его до того, что через девять лет супружества Питер впервые опробовал свои мужские достоинства на белой гончей? А потом с остервенением забил бедное животное толстым арапником со свинцовыми шишечками на конце. Не зная куда деваться от стыда, Питер рыдал, сидя на полу псарни и зажимая рот грязной пропахшей псиной ладонь.

Вскоре нашлись опытные утешительницы, и с каждым годом увеличивавшаяся неприязнь между ним и великой княгиней больше не трогала наследника. Но жена все же обязана была хотя бы не позорить его имя!

Питер был на охоте, когда узнал, что Фикхен со вчерашнего вечера – падшая женщина. Забыв про егерей и не подстрелив ни одной тетерки, он примчался в Ораниенбаум, где все лето жил молодой двор. Был мрачен за ужином, весь вечер отказывался играть в карты и, дождавшись, пока великая княгиня уйдет к себе, последовал за ней.

Фикхен в розовой рубашке из индийского батиста сидела перед овальным зеркалом и продирала эбеновым гребнем свою черную гриву, так что с нее чуть искры не сыпались.

– Сударыня, вы, вижу, готовитесь ко сну?

Она с удивлением подняла на него глаза. Питер стоял на середине спальни, как был, в грязных сапогах и узком забрызганном кафтане. Он знал, что его привычка ходить по дому в уличном вызывает у великой княгини презрение. Что ж, тем хуже для нее.

– Не кажется ли вам, – продолжал он, впервые чувствуя себя мужем, – что с некоторых пор наша общая постель сделалась слишком узка для нас двоих?

– Что вы имеете в виду? – пролепетала она, но по ее разом побледневшему лицу он видел, что жена его поняла. – Я никак не могла предположить, что вы еще имеете на меня виды, – с легкой усмешкой ответила она.

А вот этого он не любил...

– Даже императрица знает, что вы мне не муж, – продолжала Фикхен, – и сквозь пальцы смотрит как на вас, так и на меня. – Женщина встала.

– Вот как? – Великий князь болезненно улыбнулся. – А если я завтра же во всеуслышании заявлю, что не намерен терпеть жену-изменницу и потребую развода?

– Вы только огласите свой позор, – испуганно возразила великая княгиня.

– Ну и что? Зато я буду избавлен от удовольствия лицезреть вашу рожу каждый вечер.

Она, кажется, начинала понимать, насколько серьезно ее положение.

– Но это дико. Ведь я не мешала вам...

– Кто бы стал вас слушать? Такие штучки проходят только при обоюдном согласии. Вас со скандалом вышвырнут из страны. Неужели вы не хотите на родину?

Ему доставляло удовольствие наблюдать, как разрастается страх на ее лице.

– Я всегда знала, что вы способны на низость. – Фикхен попыталась взять себя в руки.

– Полно, сударыня, я всего-навсего пошутил. И вовсе не собираюсь раздувать эту историю. – Ульрих чувствовал себя почти отмщенным. – Одна маленькая просьба.

Она быстро закивала головой.

– Что угодно, сударыня? Извольте. Я слегка подзабыл ружейные приемы. Вон там в углу деревянная фузея, возьмите ее.

Женщина в недоумении подняла грубо обструганный предмет.

– А теперь к но-оге, на пле-ечо. Ну же! Не сердите меня сегодня. Резче! Резче! Лечь-встать! Лечь-встать! Коли!

Питер плюхнулся с ногами на шелковые простыни и, взяв из вазочки яблоко, продолжал командовать. Великому князю вдруг пришло в голову, что его жена вовсе не такая дур-

нушка, как ему всегда казалось. В этом метании розового полотна и в колыхании под ним ее вспотевшего усталого тела что-то было.

Экзерциция продолжалась около часа. Когда женщина уже шаталась от изнеможения, Питер вдруг подошел к ней, рванул ворот ее ночной рубашки и повалил на пол. Треск бати-ста, голые незащитные колени, с воплем поджатые к животу, раззадорили его.

«Теперь вам не удастся отговориться от меня своей невинностью! А ну-ка покажите, чему вас научили любовники? Вам никогда не приходилось заниматься этим на полу? Досадное упущение. Ну вставайте, вставайте на колени, так гораздо удобнее. Вы не умеете ползать задом? Не клевете на себя, у вас великолепно получается! Сударыня, вас никто никогда не душил за горло? Напрасно. Какая чудная кожа! Так и хочется вцепиться зубами. А сейчас позвольте отвесить вам доброго пинка. Так будет справедливо. Можете уползать. Считайте свой супружеский долг исполненным. Больше я никогда не коснусь вас. Вы мне противны. Пожалуй, даже в кровати я положу между нами шпагу».

Теперь она стояла прямая, черная, со скорбно поджатыми губами, а мимо нее, притихая от одного только вида величавой печали, беззвучно двигались люди. У них было одно горе, а он явился чужим на поминки по своим несчастьям.

– Сударыня, мне надо сказать вам нечто важное.

Император заметил на себе несколько недовольных взглядов. «Ах, слишком громко говорю? Да будь моя воля, я б сплясал вокруг теткиного гроба!»

Екатерина медленным, как бы через силу, движением подняла траурную вуаль, открыв неестественно бледное лицо в красных пятнах слез. И он заметил, как к ней обратилось несколько сочувственных, благодарных взглядов. «Дурачье! Ненавижу! Эльзе всегда было наплевать на вас! Так чего же вы плачете, как сирые дети с испугу?»

В смежной с траурным залом комнате Петр сказал, больно сжимая жене локоть:

– Вы должны быть мне благодарны, я увел вас из этого царства скорби.

– У людей горе, – холодно возразила Екатерина. – Его следует разделить.

«Лицемерка! Не ты ли пыталась покончить с собой после того, как августейшая стерва запретила тебе носить траур по собственному отцу. Ведь он не королевской крови! И ты не носила. А теперь плачешь?» Петр смотрел ей прямо в лицо.

– Наша мучительница скончалась, и никакие силы более не удерживают нас друг возле друга. Я надеюсь, вы рады?

Екатерина вспыхнула.

– Вам не кажется, что, отказавшись от законной супруги, вы можете оскорбить религиозные чувства своего народа?

– Нет, – ледяным тоном отрезал он. – А вам не кажется, что вы стараетесь быть более русской, чем сами русские?

Она молчала.

– Скажите, сударыня, – ядовито спросил Петр, – если бы судьба забросила вас к киргизам или алеутам, вы бы тоже мазали волосы салом и гадили под шкуру в чуме?

– Это все, что вы намеревались узнать? – Екатерина повернулась к двери. – В таком случае я вернусь к телу государыни и буду молиться. Кстати, – мстительная улыбка тронула краешки ее губ, – вы никогда не задумывались, о чем я молюсь?

– Зачем он сюда ходит? Лучше бы вовсе не являлся, – тихо шепнула маленькая княгиня Дашкова, дежурившая вместе с другими дамами у траурного катафалка.

Рядом с императором она заметила свою сестру, которая ласково поманила ее пальцем.

– Как твое здоровье, душенька? – Елизавета Воронцова обхватила талию княгини полной рукой. – Государь беспокоится о тебе. Идем отсюда, здесь скучно.

Дашкова инстинктивно отстранилась, но ее уже сменила у гроба другая дама, и она последовала за сестрой. Из смежных покоев доносились смех и веселые голоса. До бесстыдства ярко горели гроздья свечей, многократно отраженные в зеркалах.

Государь вел игру в кампи. Екатерину Романовну потрясло, что здесь, всего в двух шагах от тела покойной императрицы, люди пили, ели, хохотали, говорили дамам двусмысленности, жульничали за картами, и она в своем простом траурном платье нелепо смотрелась среди разодетой публики.

Воронцова держалась хозяйкой вечеринки и принимала от присутствующих странные поздравления. Несколько прусских генералов из голштинцев Петра Федоровича, как бы обмолвись, пару раз назвали ее: «Ire Meiestat!» – Ваше Величество!

Княгиня начинала чувствовать, что ее самые худшие подозрения относительно сестры оправдываются.

– Тебе, дитя мое, следует меньше бывать в обществе великой княгини. – Елизавета тронула локоть Дашковой.

– Императрицы, – решительно поправила та.

Полное благостное лицо Воронцовой затряслось от смеха.

– Не обижай нас. – Дашкова не заметила, как сзади к ним подошел Петр Федорович. – Уверяю тебя, что куда безопаснее иметь дело с такими простаками, как мы, чем с хитрецами вроде моей жены, которые сперва выжмут из лимона сок, а потом отбрасывают кожуру. Оставайтесь при своей сестре. – Петр Федорович открыто приобнял Воронцову за бедро и, откинув кружева, поцеловал полный локоть. – Ее ждет великое будущее. – Он повлек любовницу к карточному столу, знаками приглашая княгиню следовать за ними.

«Почему она? – думала Екатерина Романовна. – За что Бог так благосклонен к невеждам? Разве она готова к той ответственности, которая лежит на наперснике августейшей особы? Ей дела нет до Отечества!» Дашкова поймала себя на мысли, что сама сыграла бы эту блестящую роль лучше. Если бы, конечно, речь шла о другом государе. Вернее государыне...

Глава 5. Святки

«Губы, губы... Хорошо, что под вуалью ничего не видно». – Екатерина облизнула искусанный рот.

Две пожилые камер-фрау помогли Като снять тяжелый, неловкий капот и откололи траурную вуаль, тянувшую голову книзу. Императрица почувствовала разбитость во всем теле и знакам приказала женщинам выйти.

В будуаре из-под полу тянуло, пробирая до костей. «Кто сегодня плакал? Бедные глупые гусыни, вам-то о чем жалеть?» Екатерина провела по лбу ладонью и опустилась на диван. Комната плыла перед глазами. Среди этого безобразного, мутного, вывороченного на изнанку дня – бледное лицо Ивана Ивановича с серыми потухшими глазами. «Узнал, каково оно?» При всем раздражении против Шувалова Като было его жаль. В сегодняшней пьесе, кажется, только они вдвоем и вели себя как люди. С той лишь разницей, что он не переигрывал, едва ли даже играл.

У императора хватило совести притащить его на ужин. Первый ужин после нее.

Иван Иванович вошел в залу, остановился у дверей, обвел прищуренными глазами пьяную, разряженную толпу прихлебателей нового императора, хрипло оравшую: «Виват!» – как после большой победы, и, резко повернувшись, вышел на лестницу. Плевать, на все плевать!

Не обратив внимания на окрики за спиной, бывший фаворит спустился вниз по лестнице, представляя, с каким наслаждением вмажет перчатками по красному распаренному лицу любого, кто осмелится его остановить. Шувалов сам толкнул плечом тяжелую дверь, на минуту окунулся в ночной ветер и, забравшись в свои сани, все еще стоявшие ближе других к крыльцу, громко крикнул: «Трогай!»

В ушах у императрицы звенело, причем в правом глуше, чем в левом – начиналась мигрень. Надо было перебраться в соседнюю комнату на постель, но снова вставать, передвигать ногами...

Полежать Като так и не дали. Дверь распахнулась, и с порывом сильного зимнего сквозняка в комнату ворвалась Прасковья Брюс. Отшвырнув мокрую от снега лисью шапку, графиня с разбегу кинулась к ногам Ее Величества и с хохотом обняла колени подруги.

– Катя! Морозец-то какой! И ночь ясная! – выпалила она. – Сани летят, как на крыльях! На небе от звезд тесно! Грех на диване бока пролеживать!

Екатерина медленно подняла голову и с укором уставилась в румяное лицо гостьи.

– Грех то, что ты, фрейлина, сегодня не была у гроба императрицы, – устало проговорила она.

Прасковья действительно отсутствовала на траурном дежурстве. Графиня часто пренебрегала придворными обязанностями: опаздывала к выходам августейших особ, не посещала важных церемоний. К ее вызывающе вольному поведению давно привыкли. Но сегодня распущенность Брюс перешагнула все мыслимые границы.

– Я не люблю покойников! – фыркнула она. – К тому же Святки на дворе...

– Святки? – Молодая императрица привстала с дивана. Такого от Парас не ожидала даже она. – Ты себе отдаешь отчет... Ты понимаешь, что в Петербурге траур? Что государыня скончалась?

– Ну и что? – парировала графиня. – Государи приходят и уходят. А Святки – великий праздник. Нельзя его пропустить.

Прасковья была крепка какой-то простонародной логикой, по которой радость рождения Царя Небесного не могла быть перечеркнута смертью царя земного. Для нее отказаться

от плясок ряженных на Святочной недели было едва ли не большим святотатством, чем не отдать последние почести августейшей покойнице.

Обе женщины с вызовом смотрели друг на друга.

– Ты рехнулась, – наконец сказала Като, снова укладывая голову на диванную подушку.

– Нет, это ты рехнулась! – Прасковья вцепилась ей в руки и с силой трянула императрицу. – Ты что же, из-за этой царственной рухляди пропустишь ряженных? Ханжа! Целый день простояла над гробом, рыдала и строила умильные рожи. Очнись! Снимай траур, поехали кататься!

– Да ты ополоумела! – Като оттолкнула подругу от себя.

– Мы на Святочной неделе всегда гадали, – захныкала Брюс. – Неужели теперь пропустим? Год-то для тебя важный. Как еще дело повернется, бог весть...

– На что мне гадать? – рассердилась Като. – Разведется со мной Петр или нет? Может, прикажешь еще башмак через крышу бросать? Полетит на запад – вышлют домой, в Германию. На восток – постригут в дальнем монастыре.

– Откуда такие печальные мысли? – Прасковья обняла подругу. – Като, душенька, мне намедни цыганка говорила, что нынешние царские похороны не последние. – Графиня сделала страшные глаза. – Слышала, что блаженная Ксения Петру твоему вслед кричала?

Императрица помотала головой. Она знала только, что петербургская чумичка, которую простонародье почитало едва ли не за пророчицу, накануне кончины Елисавет таскалась по городу и, подходя под окна домов, где хозяйки готовили сладкое рождественское сочиво, принимала милостыню со словами: «Пеките блины, сердечные. Нынче колокол по государыне звонить будет». Многие поверили и смерть Елисавет встретили уже готовыми поминальными блинами и кутьей.

– Твой-то ирод на святую едва не наехал, – возмущалась Прасковья. – Чуть не задавил, говорят, Ксюшу. Отскочила блаженная, погрозила ему пальцем и крикнула: «Сегодня в карете катаешься, а завтра тебя на санях свезут. Почто Лютера любишь, а Христа забыл?»

Като прижала пальцы к щекам. Вот, значит, как? Неужели религиозные пристрастия Петра обсуждают даже побирušки на мостовой? Едва государыня умерла, а о том, что новый царь «не нашей веры», известно всему городу!

– А что про меня говорят? – осторожно спросила Екатерина.

Графиня не смутилась.

– Говорят, что ты заступница. Что без тебя у пруссаков в лапах пропадем. А новый государь тебя за то не жалует, что ты не позволяешь ему иконы из церквей повыбросить, да жидов-торгашей туда напустить!

Екатерина усмехнулась. Как все-таки причудливо переплетаются в голове у простонародья вести из дворца. Петр действительно хотел упростить обряды на лютеранский манер, обрить священников, одеть их в сюртуки, вынести иконы и забелить фрески. Денег в казне не было, и государь подумывал обратиться к ростовщикам-выкрестам. Вместе же все это выглядело чудовищно: осквернил храмы и впустил туда менял.

– За что они его так не любят? – протянула Като. – Ведь они его совсем не знают. Как не знают и меня...

– Народ, – вздохнула Брюс, – нутром чует, где палка. И знаешь ли, – графиня помедлила, – люди ведь сейчас не только в церкви. Они днем молятся, а ночью колядуют. И тебе, Като, надо быть с ними.

– Хорошо, – императрица поднялась. – Я переоденусь. Только вот что, Парас, я гадать не буду. Так, проедусь с тобой в санях...

– Какой разговор, – пожала плечами Брюс.

Возок промчался по Петербургу в полном молчании. Город не спал, но был тих и тревожен. Иссиня-черная стена домов нарушалась лишь редкими оранжевыми огоньками, как оспинами, разбросанными на лице ночи. Во всех церквях служили, и сквозь узкие окна лютеранских кирх на снег ложились длинные желтоватые отсветы.

У Рогожской заставы ездоков окликнул из будки сонный инвалид.

– Карета графини Брюс! – Кучер даже не придержал вожжи, и опускавшийся было перед ними шлагбаум отлетел в сторону.

– Стой! Стой! – закричали сзади. – Не велено!

Что и кому не велено, Като уже не расслышала.

Менее чем через полчаса карета въехала в небольшую деревню Луппа, где располагалась дача графини. Уже на подступах к ней было видно мелькание огней. Народу по кривым улицам шаталось явно больше, чем могла вместить деревенька. Оказывается, за город к знакомым и родным подались многие питерцы, чтоб отпраздновать Святки как положено. Они, видимо, как Прасковья Брюс, считали, что государи приходят и уходят, а коляда остается.

Разложенные во дворах костры взмывали искрами до небес, возле них плясали бабы в ярких платках. Дети стайками ходили от дома к дому и, держа в руках соломенную звезду на палке, пели колядки. Их зазывали в избы и кормили пряниками. С пылу с жару из печи.

Возок графини свернул в один из темных переулков, чтоб пропустить караван ряженных, с бляньем и свистом двигавшийся к центру деревни. Ночью да во хмелю они бывали буйными и могли извлекать приезжих в снегу, а то и задрать дамам юбки, а кучера побить снежками.

– Вечно я попадаю с тобой во всякие переделки, – укоризненно сказала Като.

Прасковья в темноте взяла ее за руку.

– Разве ты хоть раз пожалела?

Ряженные пестрой толпой промелькнули мимо. Карета качнулась и вновь заскользила по примятому сотнями ног снегу. Впереди черной громадой возвышался дом. Ни одно окно не горело в господской части. Зато во флигелях и у ворот металась десятки крошечных точек – лучины гадающих девушек.

– Я думала, все уже в бане! – разочарованно бросила Брюс. – А они еще только башмаки кидают. Трусихи!

В этот миг о крышу возка что-то стукнуло, раздался удивленный испуганный возглас, потом крики кучера: «Отворяйте, ее сиятельство приехала!» – скрип ворот, визг и смех столпившихся во дворе девушек.

– Чей валенок? – спросила Прасковья Александровна, не без труда подпрыгнув на подножке и стащив с крыши белый войлочный чеботок, весь от носа до голенища расшитый бисером.

Девушки загалдели и вытолкнули вперед смущенную подружку.

– Это Стешкин! Стешкин! Она так расшивает! Вон куда угодил! Барыне на крышу.

– Хорошая работа. – Брюс повертела валенок и из-под лобья глянула на дворовую. – Нагадала ты себе судьбу, Степанида. Беру тебя горничной, ничего не поделаешь!

Под свист, хохот и хлопки оробевшую девушку проводили в дом. А сама графиня напрямиком направилась к бане.

– Уже гадают? – придирчиво осведомилась она у старого инвалида, сторожившего господскую мыльню.

– Никак нет, ваше сиятельство! – вскочив с завалинки у дверей и задрав руку к козырьку, по-военному отрапортовал он. – Вас дожидаемся.

– Сла-авно, – протянула Прасковья Александровна. Она уперла руки в бока, ее глаза озорно сверкали из-под надвинутой шапки. – Несите зеркала, свечи, сейчас повеселимся!

В толпе дворовых девушек, высыпавших встречать хозяйку, поднялись визг и хохот. Подруги вступили в просторную господскую мыльню. Под ее низким потолком пахло березовыми вениками. На лавках вдоль стен были разложены деревянные шайки, на гвоздях висели завязанные в узел мочала. Принесенные из дому свечи разом озарили темные недра бани, но от этого вечное место родов и гаданий, где, по поверьям, обитал целый выводок домашних духов, показалось еще таинственнее.

– Вперед будем гадать с бумагой, – заявила Брюс. – Потом с зеркалом.

Только сейчас Екатерина вспомнила, что зарекалась сегодня испытывать судьбу. Но какой там? Все уже было готово. На низком столе стояли два шандала, лежали «лицом вниз» зеркала, серебряный поднос и стопка старой гербовой бумаги с золотым обрезом.

Като взяла один лист. Это был черновик, весь исписанный и исчерканный во многих местах. Вглядевшись, молодая императрица узнала руку, вернее, подпись под текстом – небрежное «Птр», размашисто выведенное чуть не через всю страницу. В безмолвном удивлении она подняла глаза на Прасковью. Та пожалала плечами.

– Дача маменькина. Мне в приданое досталась. А ей, – Брюс лукаво заулыбалась, – Сам государь Петр Алексеевич подарил за известные услуги... И часто здесь бывал, навещал ее, писал, работал. После него бумаги осталось воз. Куда теперь девать?

Гадать на черновиках Перта Великого Екатерине показалось кощунством, но Прасковья деловито скомкала лист, бросила его на поднос и зажгла от свечи. Она встала напротив стены, держа поднос в руках. В светлом пятне на бревнах плясала тень от горящей бумаги. Пожираемая пламенем, она съеживалась, но, прежде чем превратиться в труху, рисовала странные картинку. Кибитка, парус, остров. Графиня поворачивала поднос то одной, то другой стороной, а бумага, обдавая жаром ее лицо, сулила на будущее дальнюю дорогу.

– Уеду, знать, куда? – сказала со вздохом Прасковья Александровна. – И зачем бы это? «Если мое дело провалится, – подумала Като, – то и тебя, голубушка, сошлют».

– Теперь ты. – Брюс опустила поднос и стряхнула с него прогоревшую труху.

Мять твердую гербовую бумагу было нелегко, зато ком вышел на славу. Подпалив его, императрица встала к стене и уставилась на контур. Темная тень слегка дрожала. Кожей лица Като ощущала жар, исходивший от крошечного костра на подносе. Она начала осторожно поворачивать его, и при первом же движении на бревнах нарисовался... гроб.

Женщина ахнула и едва не разжала пальцы. Брюс вовремя подхватила ее под локти.

– Погоди, погоди, может, это еще не...

Но гроб выглядел весьма недвусмысленно. Виднелись даже кисти и две свечи в головах.

– Вероятно, это гроб Ее Величества, – неуверенно подсказала графиня.

– Хватит с меня покойников! – процедила сквозь зубы Екатерина. – Я весь день... – Она хотела отставить поднос, двинула рукой, и картинка изменила ракурс.

Теперь это была корона. Обе дамы вскрикнули одновременно. Горящая бумага отбрасывала на стену тень в виде венца. Большого, зубчатого, как рисуют дети.

– Меня призовут на царство посмертно, – съязвила Екатерина. «И зачем я только поехала сюда, дуреха! Ведь не верю ни единому слову». Като снова повернула поднос, и гроб, теперь куда менее пышный, нарисовался с другой стороны.

– Два гроба, а между ними корона, – потрясенно протянула Брюс. – Впервые в жизни вижу, чтоб тени были такие четкие. Сегодня исключительная ночь. Нельзя прерывать гадания!

Като решительно отставила поднос с прогоревшей бумагой.

– С меня достаточно. В гадании ничего толком узнать нельзя. Покажут тебе что-то, потом сиди, ломай голову, что это и к чему? Один обман!

– Это смотря как гадать, – не унималась Брюс. – На картах очень точно выходит. А в зеркале даже и расспросить суженого можно. Появляется в зеркале твой Петр, а ты его и так, и эдак, о чем хочешь спрашиваешь, а он ни в чем тебе отказать не может, и будет говорить до утра, если не отпустишь.

Като вздохнула.

– Я его постылую рожу и так каждый день вижу и разговорами его до петухов сыта.

– А вдруг он не твой суженый? – Прасковья Александровна сделала страшные глаза. – Ведь бывает же так: обманет человек судьбу, выйдет не за того, кто ему положен от Бога, а потом всю жизнь мучается. Зеркало ему истинного суженого показывает. Может, тебе на роду африканский принц написан? Эфиоп весь черный. Они, говорят, тоже христиане.

– Говорят, – Екатерина скептически хмыкнула. – Ставь зеркало. Я в это не верю, но для твоего удовольствия посижу с часок, чтоб ты меня трусихой не считала.

Брюс весело загремела тарелками, расставляя на столе два прибора и воздвигая друг напротив друга зеркала, а между ними свечу.

– Про гробы не забудь спросить, – шептала она. – Самое интересное.

– Ох, – вздохнула Като, садясь. Ей все-таки было не по себе.

– Ну, с богом, – графиня перекрестилась.

– Ряженный-суженый, приходи ко мне нынче ужинать, – заученно пролепетала Екатерина и уставилась в зеркало.

Сначала она ничего не увидела. Потом тоже. Горела свеча, озаряя в круглом зеркале точь-в-точь такую же баню, саму Като, веники на стенах, угол лавки, на котором, подвернув под себя ноги, угнездилась Прасковья. Графиня уже начала задремывать, от чего Екатерине стало очень беспокойно. Молодая женщина не могла окликнуть подругу, иначе все гадание пошло бы насмарку. Като взяла нож и нарочито громко постучала им по тарелке. Брюс не пошевелилась.

Императрицей овладела паника. А вдруг сейчас и правда кто-нибудь заявится? Словно в ответ на ее мысли во дворе послышался шум, стукнула дверь в предбаннике, за стеной раздались торопливые шаги. В матовой поверхности зеркала Като увидела, как отскочила створка двери и на пороге появился взмыленный конногвардеец. Екатерина не сразу узнала в нем Потемкина, друга Орловых, посвященного в ее маленький комплот.

– Ваше Величество! – осипшим голосом гаркнул он. – Спешить надо! Государь вас повсюду ищет.

– Как? Зачем? – Женщина обернулась к двери. Гадание было грубо прервано. – Откуда вы узнали, где я?

– Зачем, не знаю, – переводя дыхание, отозвался Гриц. – Ему взбрело в голову звать вас на праздник. Он третий час как пьет. Видать, одному скучно. – Лицо у Потемкина было злое и серое от усталости. Еще бы: целый день в карауле, а потом сюда верхами гнал! – А Вашего Величества в покоях не оказалось. Он велел держать слуг под арестам. На ваши поиски снарядил команду. Меня Шаргородская разыскала и потихоньку сюда отправила.

Екатерина поднялась.

– Вот тебе, Прасковья, и гроб с короной, – бросила она перепуганной Брюс. – Петр хочет поймать меня на месте неведомого преступления, чтоб иметь предлог для развода.

Вместе с Брюс Екатерина поспешила на улицу. Они снова сели в возок.

– Куда прикажите? – Потемкин вскочил на облучок рядом с кучером.

– В Александро-Невскую лавру, – уверенно крикнула Екатерина. – И помни, Прасковья, мы там с самого отъезда из дворца. Благочинный подтвердит, он мне предан.

Брюс только хмыкнула. Ее удивляло, откуда у подруги в минуты опасности берутся такие спокойствие и властность. Ведь она знала: Като страшная трусиха, перед зеркалом у нее тряслись поджилки, а вот, поди ж ты, как держится!

Карета на полном ходу проскочила освещенную кострами деревню и, к счастью, не столкнувшись с ряженными, вылетела за околицу. В кромешной тьме замелькали сугробы по обеим сторонам дороги. Ели вставали стеной.

– Поспешай! – время от времени слышался с облучка требовательный голос Потемкина.

– Быстрее, барин, нельзя! Коней загоним! – бросал кучер.

«А хоть бы и загоним, – мелькнуло в голове у Екатерины. – До города недолго. Только бы не волки».

В какой-то момент справа от дороги засверкали желтые глаза, послышался отдаленный вой. До Екатерины донесся короткий щелчок. Это Потемкин проверял пистолеты. То, что он уже держал их заряженными, понравилось Като. Предусмотрительный человек. Послышался выстрел. Один. Короткий. В сторону сугробов. Видимо, волки еще не выскочили на дорогу. Громкий хлопок в морозном воздухе напугал их, звери скрылись в чаще. И опять Като похвалила Потемкина: не стал дожидаться реальной опасности, предупредил, мол, не замай.

Вдали замаячила застава. Снова, как на пути из города, они едва не снесли шлагбаум. Александро-Невская лавра была уже близко. Они успели. На четверть часа раньше офицеров, отряженных Петром Федоровичем на поиски жены. Служивым далеко не в первую очередь пришло в голову посетить монастырь. Где уж они рыскали? Бог весть. Не у Орловых же на Малой Морской и не в «Тычке»! Впрочем, лица все были знакомые, свои преображенцы, за исключением двух голштинских капралов.

Стоя за колонной, Потемкин наблюдал, как гневная Екатерина поднимается с колен у алтаря, как окидывает презрительным взглядом командира эскорта, как насмешливо осведомляется: «Я под арестом?» А потом бросает: «И не стыдно вам, господа, отрывать бедную женщину от молитвы по покойной государыне и под караулом вести на пьяный дебош?» Он видел, как переминаются с ноги на ногу его пристыженные товарищи, которым и правда неловко было прерывать благочестивые бдения императрицы. Знали б они, где и за каким делом он ее застал!

Глава 6. Патриотка

Князь Михаил Иванович Дашков любил свою жену. И это было смешно. Есть три категории женщин, любить которых смешно и даже предосудительно: некрасивые, умные и собственные жены. Екатерина Романовна с лихвой обладала всеми тремя пороками.

Над ним смеялись в глаза и за глаза, при дворе и дома, с самой свадьбы и еще до нее. Одни шестьсот томов ее личной библиотеки, кочевавшие за своей хозяйкой из Петербурга в Москву и обратно, испортили ему немало крови. Старые холостяцкие приятели один за другим исчезли из гостиной его модного столичного дома, где теперь царили Бейль, Монтескье и еще несколько, имена которых трудно давались князю на память. Их присутствие ощущалось столь осязаемо, что самому Михаилу Ивановичу порой становилось неловко, как в гостях.

Но он прощал ей, ни то по любви, ни то по слабости характера. Как простил когда-то первую выходку со свадьбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.